

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX ВВ.

Выпуск 5

Санкт-Петербург
2009

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 139–174.

¹⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. № 48. Л. 38.

¹⁹ *Соболев. И.Г.* Указ. соч. С. 117.

²⁰ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. № 48. Л. 60 об.

²¹ Там же. Л. 61.

²² Там же. Л. 222, 223 об.

²³ Там же. Л. 505.

²⁴ Там же. Л. 191.

В.А. Толмачева, О.А. Степаненко, В.Ф. Шеффер

Русские немцы из Стрельны (К 200-летию юбилею Стрельнинской немецкой колонии)

Когда-то знаменитая Петергофская дорога, проходящая по южному берегу Финского залива, связывала северную столицу с ее легкой резиденцией. Она была украшена великолепными дворцовыми ансамблями Ораниенбаума, Петергофа, Стрельны, усадьбами вельмож: Вяземских, Нарышкиных, Воронцовых, Чичериных, Трубецких... Между ними располагались ухоженные деревни и поля русских крестьян, финнов, немецких колонистов.

Иностранные послы и гости, восхищаясь Петергофской дорогой, сравнивали ее в XVIII–XIX в. с дорогой, соединяющей Париж и Версаль. И, как отмечали современники, Стрельнинская немецкая колония была неотъемлемой частью той благоприятной среды, в которой могли существовать «жемчужины» еще совсем недавно великолепной, процветающей и самой оживленной части пригородов Санкт-Петербурга.

Образование Стрельнинской немецкой колонии, в то время одной из многочисленных немецких колоний в Петербурге и его окрестностях, историки относят к периоду царствования Александра I, который повторил попытку своей державной бабушки Екатерины Великой привлечь в Россию аккуратных и трудолюбивых немцев и тем самым поднять общий культурный уровень местного населения.

По желанию Великого князя Константина Павловича в 1810 г. на землях его Стрельнинского имения были поселены восемь немецких семейств из Приморского лагеря под Ораниенбаумом, куда они прибыли водным путем из германского порта Любек вместе с другими переселенцами. 18 ноября 1810 г. — день рождения первого ребенка в колонии — стали считать официальной датой образования Стрельнинской немецкой колонии.

После расформирования колонии Извара в том же году в Стрельну переселились еще 20 семей, и для освоения колонистам было передано в аренду 980 десятин и отдельно 50 десятин земли для имения пастора. Одной из первых была освоена территория вдоль дороги на Рошшу по высокому берегу реки Стрелки. Она была названа Нейдорф (Новая деревня). Затем заселяется побережье Стрелки после впадения в нее речки Черной и получает название Нейгаузен (Новые дома). Переселенцы из Извары образовали южнее по Рошшинской дороге Оведорф (Верхнюю колонию). Впоследствии все три поселения стали именоваться соответственно Нижняя, Верхняя и Средняя немецкая колония, позже топоним «немецкая» пропал из употребления, а в остальном названия улиц сохранились. Следует заметить, что первые поселенцы колонии были выходцами из Саксонии, Силезии, Эльзаса и Пруссии, и, согласно закону «О колонистах» от 1764 г., пользовались значительными льготами на постройку дома, приобретение земельного инвентаря, скота, семян, фуража.

Всего за восемь лет колонисты наладили образцовое хозяйство. У расположившихся поблизости кавалерийских эскадронов они покупали по сходной цене семена для своих полей и огородов и получали отменные урожаи ржи, овса, картофеля.

Внутреннее управление в колонии осуществлялось через выборных лиц: сельского старосту (шульца), двух заседателей и по одному десятскому на каждые десять дворов. Важные вопросы решались на общих сходах. Первым старостой Стрельнинской колонии с 1812 по 1821 гг. был Мартин Шац. С начала XIX в. колонией управляло Министерство внутренних дел. На местах управление осуществляли особые инспектора или смотрители, а с 1838 г. управление колонией перешло к Министерству Государственных имуществ. С этого времени колонисты начали платить общие повинности, специальные общинные сборы и казенные подати. В 1873 г. была введена всеобщая воинская повинность, в том числе и для колонистов, с этого момента колонисты были уравнены в правах и обязанностях с прочими земледельцами-собственниками России и стали называться «поселянами-собственниками».

Отмечая столетие закона «О колонистах», в 1864 г. общее собрание колонии Стрельна решило выкупить арендуемую ими землю по цене 60 руб. за десятину. Оформление купчей оказалось достаточно длительным, и только 23 марта 1881 г. состоялось торжественное введение стрельнинских колонистов во владении купленной ими землей.

В основном колония жила плодами земледельческого труда, а в суровом климате Нечерноземья только интенсивное ведение хозяйства могло принести ощутимые результаты, тем не менее на рынках Петербурга колонисты успешно торговали своей молочной продукцией и овощами.

Вся жизнь колонии строго регламентировалась законами лютеранской церкви. Духовная жизнь общины была сосредоточена в кирхе (церкви) Святых апостолов Петра и Павла, которая территориально располагалась на стыке трех улиц: Нижней, Верхней и Средней колоний, т.е. практически в центре поселения. Еще в 1812 г. церковь вместе с домами была привезена из Изварской общины и установлена на высоком берегу реки Стрелки. При храме находилась приходская школа, занимавшая 20 десятин земли из 50, принадлежавших пастырю. В 1874 г. старая кирха сгорела, была разобрана, а на ее фундаменте возвели более просторную новую деревянную церковь, в алтарной части которой установили орган на восемь регистров работы Бауэра.

К концу XIX в. приход насчитывал 1150 прихожан.

В 1863 г. в Петербурге было образовано дамское общество для основания «Дома защиты и спасения падших девушек и женщин», которое открыло в следующем году убежище Святой Магдалины на берегу реки Стрелки недалеко от кирхи, арендовав у колонистов одну десятину земли.

Надо заметить, что после заключения купчей и выкупа земли в собственность, колония начала интенсивно развиваться, получила как бы второе дыхание: учреждаются строительное товарищество и ссудно-сберегательная касса, в 1895 г. общество велосипедистов-любителей Стрельны строит циклодром (велодром) в Нижней колонии, пользовавшийся впоследствии большой популярностью у петербуржцев. В 1896 г. в Средней колонии на средства общины строится новая приходская школа, имевшая пять отделений и более 100 учеников. Занятия в ней проводятся на немецком языке. Через 10 лет к школе пристраивают каменный дом для учительского персонала. Школу окружает прекрасно сохранившийся фруктовый сад.

Евангелическое общество покупает у колонистов несколько десятин земли напротив кирхи и строит вначале деревянное двухэтажное здание, а затем каменное в готическом стиле богадельни Вифезда для при-

юта неизлечимо больных женщины всех возрастов. Со стороны дороги высаживают дубовую аллею, некоторые из этих деревьев живы и по сей день.

Важным событием для колонистов стало рождение любительского духового оркестра под управлением П.Д. Полякова. Оркестр стал душой колонии, неотъемлемой частью ее культурной жизни, неизменно участвовал в свадьбах, праздничных и танцевальных вечерах. Последним руководителем оркестра вплоть до Великой Отечественной войны был профессор Ленинградской консерватории, уроженец колонии, Александр Николаевич Шмидт.

В 1900 г. организуется вольное пожарное общество; брандмейстером пожарной дружины из 18 человек избирается Николай Петрович Шмидт.

После постройки бароном Штиглицем Балтийской железной дороги и открытия станции Стрельна 26 июня 1860 г. значительно возрос приток дачников в колонию, которых привлекали удобство сообщения, свежие молочные продукты и овощи, а также чистота и уют домов колонистов. Для привлечения большего числа дачников предприимчивые колонисты строят лодочную станцию на реке, специализируются на выращивании ранних сортов ягод: клубники, земляники, смородины.

Популярность колонии у петербуржцев подтверждает тот факт, что в начале XX в. на Балтийской железной дороге существовал ежедневный товарно-пассажирский поезд, который назывался «молочным». На нем из Стрельны в Петербург привозили разнообразные молочные продукты на продажу.

Всекий, кто попадал в немецкую колонию, всегда восхищался благоустроенностью, обилием цветов в палисадниках, чистотой и порядком не только в домах, но и в усадьбах. Нищих в колониях никогда не было. Если же случалось кому-нибудь впасть в нищету, то его родственники и просто соседи помогали выбраться из трудного положения: засевали своими семенами его поле, давали скотину. С такой помощью бедняк скоро поправлялся. Малолетних сирот «отдавали в учение», а когда последние вырастали, им находили невест с полными домами.

Особое внимание в семьях колонистов обращали на трудовое воспитание детей. Девочек учили шитью, уходу за скотиной, огородничеству, медицинским навыкам; мальчиков обучали столярничать, слесарничать, шорному ремеслу и уходу за лошадьми.

К своему столетию в 1910 г. Стрельнинская колония подошла в полном расцвете духовных и материальных сил. Она превратилась в одну

из самых крупных и процветающих немецких колоний Петербургской губернии. Протяженность ее составляла 4 версты, общее число дворов — 56, всего 640 душ.

Зажиточная община колонистов содержала на свои средства храм, два благотворительных учреждения: богадельню «Вифезда» на 85 детей и 65 взрослых, убежище Святой Магдалины Общества защиты женщин, где находилось на попечении около 40 девиц; школу и детский сад (очаг); пожарную дружину и духовой оркестр. В колонии также процветала торговля, было несколько своих лавок и магазинов и два раза в год устраивались ярмарки. В сфере финансовых услуг было образовано несколько страховых касс.

Можно сказать, что все новое и передовое, появлявшееся в жизни россиян того времени, давало быстрые всходы на благодатной почве Стрельнинской колонии.

Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война нанесли первый удар по благополучию колонии. Резко сократилась статья дохода от уменьшения числа дачников в летний период, не хватало рабочих рук, замерли торговля и строительство.

В период НЭПа колония стала оживать, восстановила свои прежние связи, отлаженный ритм жизни.

1929 год. В стране началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Зажиточные независимые земледельцы тормозили завершение кампании. Были раскулачены и сосланы на Кольский полуостров семьи Браун, Бренер, Лефлер, Краубнер, Шефер, Шмидт, Штро и многие другие.

1930 год. На землях колонии создается колхоз «Ротз Фане» («Красное знамя») во главе с 25-тысячником Яковом Нагельманом, присланным партией. В домах репрессированных были размещены общежития, столовая, пекарня, лавка, правление колхоза. Жизнь брала свое и постепенно начала входить в нормальное русло. Традиционные устои немецкой общины: трудолюбие, аккуратность, взаимопомощь — в скором времени вывели колхоз в передовое хозяйство Ленинградской области. Он стал первым колхозом-миллионером и неоднократно завоевывал призы за успехи в области агротехники и животноводства в Москве на ВДНХ.

1933 год. Началась кампания против церкви. В августе состоялась последняя конфирмация пастором Симоном, затем он был арестован, и больше его никто не видел. Церковь закрыли и в ней устроили клуб с демонстрацией фильмов в церковном интерьере, молодежь стала заниматься в драмкружке.

1937 год. В колонии по ночам стал появляться «черный ворон», увозя с собой то одного, то другого колхозника. Первым пострадал заведующий молочно-товарной фермой Николай Федорович Людвиг, осужденный по 58 статье (политической). Жертвами репрессий стали братья Аман, Байль, Краубнер, Ульрих и многие другие рядовые колхозники, а также председатель колхоза Нагельман. Все они были расстреляны и захоронены на Левашовской пустоши, а семьи сосланы на Урал, в Сибирь и Алтай. И только через полвека дети и внуки смогли узнать правду о тех страшных годах и получить документы о реабилитации своих безвинно пострадавших родных, узнать место их захоронения.

С началом Великой Отечественной войны многих мужчин мобилизовали в трудовую армию на строительство дорог, мостов, укреплений, аэродромов для армии. Уже в сентябре 1941 г., когда противник вышел в тыл к петергофскому оборонительному валу, почти все колонисты вместе с другими жителями Стрельны попадают в пересыльный лагерь под Гатчину, а затем их отправляют на работы в Германию.

В 1945 г. те из колонистов, кто был угнан в Германию и при ее оккупации оказались в американской зоне, остались там. Тем, кого освободила Советская армия, не разрешили вернуться в Стрельну, их депортировали в Сибирь, Казахстан, на Алтай.

В настоящее время территория бывшей Стрельнинской колонии относится к двум административным районам. Нижняя колония с руинами «Вифезды» принадлежит Петродворцовому району Санкт-Петербурга, Средняя, Верхняя колония и захоронения лютеранского кладбища — Горбунковскому сельскому поселению Ломоносовского района Ленинградской области.

Судьба когда-то одной из самых крупных немецких колоний под Петербургом во многом схожа с судьбами многих других национальных поселений, для жителей которых Россия стала второй родиной. До сих пор они бережно хранят в своих семейных альбомах старые фотографии, с любовью ухаживают за могилами родных и близких на старом лютеранском кладбище. Наиболее же ярко и живо страницы истории колонистов предстают в их воспоминаниях. В них судьба одного из «малых народов» России оживает, наполняется мыслями и чувствами живых свидетелей тех далеких трагических событий.

Из воспоминаний Елизаветы Филипповны Лялиной (Краубнер) 1912 г.р.

«Мои родители были двоюродные брат Филипп Иванович Краубнер и сестра Ольга Филипповна Штро. Их дома были рядом, где-то в середине Верхней колонии. Всего у нас было 7 десятин земли, где сажали в основном овощи и картошку. В хозяйстве держали две лошади, две коровы, свиней, овец, кур; сено для скота сушили на дальних лугах.

Наш дом разделялся на две части: передняя из четырех комнат и кухни с выходом на улицу сдавалась на лето дачникам, в задней, где было три комнаты и кухня, мы жили сами.

В 1929 г. начались обыски, а в 1930 нас раскулачили, отобрали всю скотину и поселили к нам в дом подселенцев из русских. Я уже тогда работала в конторе служащей и хотела учиться на бухгалтера, но меня не взяли как дочь кулака.

В 1931 г. в июне в числе других тысяч изгнанников нашу семью выслали в город Кировск Кольского полуострова. Там нас расселили по баракам по три семьи в одну комнату. В 1935 г. я вышла замуж за вольнонаемного русского Петра Лялина, и мы в 1938 г. переехали в Мончегорск, где я устроилась работать машинисткой, а затем товароведом. В этом же году нашего отца Филиппа Ивановича осудили и расстреляли, обвинив в участии в немецко-финском заговоре. Реабилитировали его только в 1965 г.

В ноябре 1947 г. мы были официально освобождены из-под надзора, но паспорт мне не выдавали еще 16 лет. Только в 1968 г. я с семьей смогла вернуться на родину в Санкт-Петербург».

Сегодня Елизаветы Филипповны уже нет в живых. Она похоронена на старом лютеранском кладбище бывшего Стрельнинского немецкого поселения.

Из воспоминаний Виктора Федоровича Шеффера 1929 г.р.

«К моменту моего рождения мои родители Федор Владимирович (Теодор Вольдемарович) и Елена Александровна (урожденная Эйдемюллер) уже уехали из Стрельнинской колонии и жили на Васильевском острове в Петербурге.

Отец работал на фабрике «Скороход» начальником планового отдела, а мать — учительницей в 33-й школе. В нашей семье были еще старшие брат Рихард и сестра Франциска 1923 и 1926 г.р.

Раннее детство я вспоминаю в самых радужных красках: большая коммунальная квартира, много детей, шумные игры. Особенно светлые воспоминания о ежегодных летних каникулах у родителей матери Александра и Софии Эйдемошлер, живших в доме 39 по Верхней колонии. К этому времени в колонии была проведена насильственная коллективизация и организован колхоз "Роте Фане". У дедушки с бабушкой, имевших восемь детей и большое хозяйство (одних лошадей было шесть), отобрали один из двух домов, а дедушку сделали конюхом в его же бывшей конюшне при его же лошадях.

Крестьянское хозяйство напротив принадлежало семейству Краубнер (откуда вышла моя бабушка по отцу), во время коллективизации его раскулачили и выслали на Кольский полуостров.

Как-то в сентябре 1938 г. я проснулся ночью и вижу, что все в комнате разбросано, перевернуто, ходят какие-то посторонние мужчины и простукивают стены. Затем увели отца. В январе следующего года почему-то его выпустили, а почему, он молчал. И только перед смертью отец рассказал нам о своем содержании в подвале большого дома.

Война застала нас с Франциской в пионерском лагере под Лугой. Немцы уже подходили к Луге, когда за нами приехал отец.

В первые месяцы войны родители неделями отсутствовали — были мобилизованы на оборонные земляные работы. Отец, чтобы облегчить положение семьи, решил записаться добровольцем на фронт, но ему было отказано — немец! Тогда он устраивает Рихарда рабочим на фабрику "Скороход", чтобы получить дополнительную рабочую карточку.

Настали холода, центральное отопление в нашем доме не работало, отключили электричество, замерзла вода в трубах. Мы приобрели "буржуйку", топили ее в основном книгами.

В один из декабрьских дней 1941 г. Рихард не дошел до фабрики, упал, его подобрала и отвезли в больницу им. Коняшина, где он умер 25 февраля 1942 г.

О блокаде написано много, но всего ужаса тех дней представить не пережившему ее невозможно. Мне было всего 13 лет, а у меня уже были мысли о самоубийстве.

Мы, теперь уже четверо, мама, папа, Франциска и я, спали поперек двух составленных кроватей, укрываясь ворохом всяких теплых вещей. Все было страшно завшивлено. Температура воздуха в комнате опускалась до -17 градусов.

20 января отец в очередной раз просит перевернуть его на другой бок, а на следующий день мы просыпаемся в постели с его трупом.

17 февраля. Мы с сестрой просыпаемся с трупом матери.

Перебираемся к маминной сестре тете Соне и у нее живем до 24 марта. В этот день ее как немку в 24 часа выселяют из Ленинграда в Салехард, а по пути она умирает от истощения.

Нас каким-то чудом она успевает устроить в детский дом, который позднее эвакуировался на Кавказ. Хорошо помню, что мы переезжали по льду Ладожского озера 13 апреля, это был мой день рождения.

2 мая. Мы прибываем в станицу Лабинская, играет духовой оркестр, открывается дверь товарного вагона, и на пороге лежит труп ребенка, фамилия мальчика была Желудь.

7 августа. Немцы заняли станицу Лабинскую, наши войска открыли по ним огонь, и от одного из снарядов сгорел наш детский дом вместе со всеми документами.

Трудно рассказывать, как после этого мы, лишившись всего, ходили попрошайничать по дворам и немецким казармам.

После окончания оккупации мы с сестрой наладили связь с маминной сестрой Анной Александровной Эйдемюллер, которая жила в Череповце и работала директором школы.

Она оформила вызов и взяла нас на воспитание, к июню 1943 г. мы уже были в Череповце.

С ее помощью я получил паспорт уже как русский — Шеффер Виктор Федорович. Благодаря этому документу я, немец, бывший в оккупации, смог поступить в Военно-морскую медицинскую академию. После окончания академии в 1953 г. был назначен врачом — хирургом на крейсер «Орджоникидзе».

После демобилизации в 1958 г. занялся научной деятельностью, защитил докторскую диссертацию. От двух браков имею сына Константина и дочь Юлию, они носят фамилии русских матерей. Род Шефферов на мне кончается. Только в семейных архивах останется то, что наши предки, выходцы из Германии, были Стрельнинскими колонистами и растворились в просторах большой России.

Виктор Федорович Шеффер проживает в Санкт-Петербурге. В его семейном архиве бережно хранятся фотореликвии бывшей немецкой колонии. Он считает, что Стрельнинской колонии все-таки повезло больше, чем другим, ведь сохранились захоронения на старом лютеранском кладбище, руины бывшей «Вифезды», да и названия улиц: Верхняя, Средняя и Нижняя колонии «говорят» о немецком прошлом этих мест.

Схема расположения основных объектов
Стрельнинского немецкого поселения.

Условные обозначения: 1. Немецкая начальная школа;
2. Кирха; 3. «Вифезда»; 4. Циклодром; 5. Кладбище

Дом семьи Аман располагался в середине Верхней колонии по правой стороне под номером 34. Он был деревянный, одноэтажный, с мезонином, состоял из трех комнат и кухни. Комнаты отапливались печами-голландками, а в кухне была большая русская печь. В одной комнате жили родители, в двух других — мальчики и девочки, мезонин на лето сдавали дачникам. Во дворе находились погреб и сарай для сена, дров, сельхозинвентаря и скотины. По тем временам жили они небогато, в хозяйстве имелись всего одна корова, одна лошадь, несколько свиней, гусей и кур.

Из воспоминаний Аман Софьи Матвеевны 1918 г.

«У родителей моего отца — Софии и Якоба Аман — было семь детей. Таким образом, у меня оказалось три тети и три дяди. Мой папа — Ма-

теас (Матвей) — был третьим ребенком в семье, но почему-то именно он стал наследником старого, но большого отцовского дома. Был женат на Августе Куфель из немецкой Ямбургской (Кингисепинской) колонии. У них тоже появилось пятеро детей.

Я, София, названная в честь бабушки, была старшей. Помню, все тети и дяди, кроме самого младшего, Якова, были женаты, жили своими домами. Все братья отца были музыкантами, увлекались духовой музыкой, и в нашем доме, в большой 30-метровой комнате, часто устраивались репетиции духового оркестра. Иногда с участием профессора Ленинградской консерватории А.Н. Шмидта, который руководил этим прекрасным оркестром. Что только не исполнялось. Я с самого раннего детства полюбила музыку и особенно была неравнодушна к вальсам Иоганна Штрауса. До сих пор в моей душе звучит эта чудесная музыка. Обычно после сыровки (репетиции) приходили за своими мужьями жены, и вкладчину накрывался стол, конечно, с выпивкой. Папа хорошо пел, подпевала хорошо и его младшая сестра Лизбэт (Елизавета). Пели “Степь да степь кругом”, “Все васильки, васильки” и многое др. Затем озорная Лиза просила: “Мацке (Матвей), сыграй польку “Ой: ра” или кадрили и тащила танцевать своего мужа Петю. Танцевали все: и стар, и мал. И, так как это устраивалось по субботам, гуляли до самой зари.

Работали много и хорошо, зато умели и веселиться. Праздники устраивались по любому поводу.

Например, молотьба: Молотилка (не помню, кому принадлежала) по очереди шла со двора на двор. Доходила очередь до нас, родственники приводили своих лошадей, впрягали в молотилку, и все мужчины и женщины помоложе занимались молотьбой. Пыль стояла столбом, смех, шутки. Между взрослыми толкались и дети — свои и двоюродные. Маме на кухне помогала одна из невесток — готовили обильный обед с пирогами и кофе. И так от родни к родне.

А поздней осенью, к зиме, когда резали свиней, устраивались “Свинкины поминки”. Готовились немецкие колбасы, зельцы и пр. вкусная еда, и опять собиралась то к одним, то к другим вся большая родня. Опять музыка, песни, веселье. Как-то раз кто-то в шутку крикнул: “Deutschland uber alles auf der Welt”. Папа строго посмотрел и сказал: “Шалишь! Uber Deutschland “Russland есть”. Я очень гордилась своим папой, потому что мы все любили свою родину Россию. Впоследствии она для нас, русских немцев, стала мачехой.

Престольным праздником в колонии считался Иванов день — Johanna, 24/VI. Церковная служба, молебен, проходила на кладбище в 12 часов

дня. К этому дню нарядно цветами убирались могилы, дорожки посыпались желтым песком. Колонисты наряжались во все самое лучшее. Особенно красивы были дети. Опять играл духовой оркестр. А дома (или у родственников) ждал вкусный обед, обязательно из кури и с самым лакомым детским блюдом, клюквенным киселем со взбитыми сливками или с домашним мороженым. Позже, к вечеру, кофе с традиционными “шпик” и “цуккер кухен” (пирогами). Мужчины в гостинной садились играть в карты на деньги — по мелочи. Любимая игра, кажется, называлась “Sollo” (“Соло”), и, помню, раздавались голоса: “Kaго Trumpr”, “Ich pas”, “Pik Trumpr”. Женщины мыли и убрали посуду, готовились к кофе, судачили о том, о сем. Ну а дети гонялись в саду, играли в прятки или лапту. И так до позднего вечера.

Помню первую красную свадьбу. Примерно в 1929 г. мамина двоюродная сестра, красавица Лиля Эйдемиллер, вышла замуж за финна, интеллигентного и симпатичного учителя Илмара Раппу. Венчания не было. Регистрация брака торжественно происходила в Заводском сельсовете. У шаферов в петлицах пиджаков были красные банты. Шаферицы в нежных шелковых платьях. Была ранняя осень, много цветов было в большом саду невесты, на всю колонию гремел духовой оркестр. Гуляли вместе немцы и финны.

В 1929 г. (или до?) в колонии организовали большой колхоз “Ротэ Фанэ”. Наша семья и семья дяди Филиппа тоже вступила в колхоз.

При Стрельнинской немецкой колонии, кроме немецкой Kirche Св. Петра и Павла еще имелась начальная школа (4 класса).

Немного о школе.

Когда и кем она была основана и что там до революции помещалось, я не знаю. Помню, это было двухэтажное белое здание, которое стояло почти в самом начале средней колонии на берегу реки Стрелки. На первом этаже были помещения, где жили учителя, уборщица и еще не помню кто. На втором этаже — учебные классы. Это были три большие комнаты. В двух комнатах по левую и правую стороны стояли парты, посередине на стене висела доска. Учились 1 и 3, 2 и 4 классы. Самая большая комната — физкультурный зал, где в углу стояло пианино.

Перед школой был разбит небольшой сад, куда ученикам во время большой перемены разрешалось выходить гулять. В школе учились примерно 30–35 учеников.

Первые учителя. Заведующий школой и преподаватель 2 и 4 классов Карл Петрович Заблоский пожилой, интеллигентный, очень строгий человек (за глаза мы его звали “Карлошевич”) и милая наша учительница старушка-“наседка”, которая вела 1 и 3 классы, Лидия Ивановна

Гольц. В 1926 г. у нее появилась новая группа из 7 девочек (Соня Аман, Оля и Маргарита Менг, Регина Терлиман, Муса Кун, Оля Шмидт и Лиля Штейнмиллер) и 1 мальчика (Миша Краубнер). Все мы учились хорошо, и Лидия Ивановна нами гордилась и хвасталась перед школьным советом (куда входила и моя мама — Августа Петровна Аман): “Мои семь курочек и один петушок — все отличники”.

К сожалению, с Лидией Ивановной мы проучились всего один год. Она умерла и похоронена на немецком кладбище, но могила в колонии не сохранилась.

Наша школьная форма состояла из темного сатинового халатика (одевался на любое платье) с белым воротником, в кармане обязательно носовой платок. У мальчиков — темные брюки и куртка. За спиной разрешалось носить только ранец. По утрам, перед занятиями, очередной дежурный проверял, чистые ли руки и уши.

После смерти Лидии Ивановны нам прислали другую учительницу, которая была очень недолго: я даже не помню ее имя. Через некоторое время уехал и Карл Петрович Заблоцкий, и появился молодой очень красивый учитель — Альберт Корнеевич Винс, и наша школа оживила. Появились спортивный и хоровой кружки. Мы готовили музыкальные программы. Пели под аккомпанемент (пианино) учительницы Tante Berta (Тети Берты):

Wir furchten nicht, ja nicht...

Den Donner der Kononen

Wir fuctten nicht. Ja nicht die grune Polizoi

Den Karl Ziebknecht, hoben wir verlozen

Der Rosa Zuxseburg reichen wir die Hond

“Мы кузнецы, и дух наш молод...”, “Наш паровоз летит вперед летит...” и много других немецких и русских песен.

Tante Berta учила нас танцевать. Любили мы очень физкультуру. Занимался с нами Альберт Корнеевич. Господи, что мы только не вытворяли: бегали, прыгали, скакали, делали разные стойки и пирамиды. Физкультурная форма у девочек — широкие (как юбочка) темные шаровары и светлые футболочки, у мальчиков — не помню.

Создали школьный кооператив, где можно было купить тетради, карандаши, ручки, перья № 86 (писать разрешалось только ими), акварель, краски и пр. “Кооператором” выбрали ученика 4 класса Шуру Штейнмиллер.

Во время войны (1941–1945 гг.) здание школы было разбито и больше не восстанавливалось».

Хорошее, веселое было время... пока не наступил 1937 г., и не начались аресты. 27 февраля 1937 г. арестовали Матвея Яковлевича Амана (отца Сони) — заведующего колхозной кузницей — и его двух братьев — Филиппа и Ивана. Соне разрешили проводить отца до вокзала. По дороге она сквозь слезы как могла успокаивала отца: «Папа, во всем разберутся и тебя отпустят». С этого дня по июнь 1938 г. семья жила в постоянном страхе. Мама каждый месяц ездила на Арсенальную улицу в «Кресты» с передачей. В начале июня денег не взяли, объявили, что дело закончено. Папе присудили восемь лет лагерей. На самом деле отец и его братья были расстреляны 9 июля 1938 г. и захоронены на Левашовской пустоши.

Но об этом Софья и ее родные узнали гораздо позже, после их реабилитации.

Семья Аман переживала трагическое для всех время. Много слез было пролито, много сил потрачено... впустую: погибших было не вернуть...

У молодой Сони в те годы был жених, русский парень, и отец до своего ареста обещал справить им хорошую веселую свадьбу. Но когда «суженый» узнал, что Матвей Аман — «враг» народа, то отказался от Софьи и исчез неизвестно куда. И все же мужественная девушка в 1938 г. вышла замуж (без любви и симпатии) за киномеханика клуба колхоза «Ротз Фанэ» Бориса Петрова. Он оказался хорошим человеком, вся семья его полюбила. Молодые после свадьбы переехали жить в Ленинград, и обыкновенная девушка из Стрельнинской немецкой колонии Соня Аман превратилась в Софью Петрову.

Сегодня Софья Матвеевна живет в Дачном, в тесной «хрущевке» в семье внучки Ирины. Давно дом стоит на очередь на капитальный ремонт, не греют батареи, мокрые стены, но Софья Матвеевна говорит, что были времена и похуже, не теряет веры в справедливость и радуется жизни. Любят ее и заботятся о ней ее близкие. Каждое лето она ездит в Кингисепп к сестре Луизе, помогает по мере сил управляться с дачей. Вторая сестра Софьи Матвеевны — Елизавета (Лиля) — так и не смогла перебраться поближе к сестрам, в настоящее время живет в Алтайском крае. Из пятерых детей Матвея Амана и Августы Куфель после войны остались только три сестры. Они сохранили теплые отношения на протяжении всей жизни, какой бы тяжелой она ни была. Сейчас Луиза, Елизавета и Софья Аман переписываются. Им тяжело вспоминать о детстве, о войне, потому что слишком много пришлось пережить... просто страшно вспоминать. Их радуют дети и внуки, которые живут теперь в свободной стране. Они учатся всему, что хотят, делают то, что нравится, и не забывают о родителях.

У Софьи Матвеевны две внучки — Ирина (39 лет), Ольга (34 года), внук Михаил (25 лет) и одна правнучка Наташа (21 год), дочь Ирины.

Рис. 2. Храм во имя Святых Апостолов Петра и Павла для новопоселенных колонистов по Высочайшему Государя Императора Александра I повелению сооружен в 1813 году на счет казны

Рис. 3. Шеффер Виктор Федорович у макета дома немецкого колониста. 2000 год

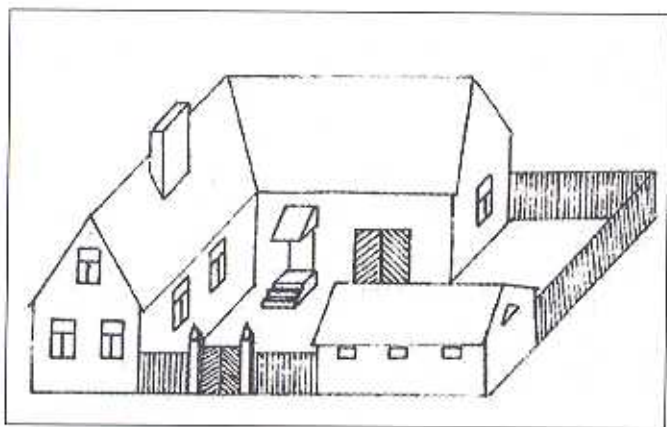

Рис. 4. Рисунок-схема дома немецкого колониста

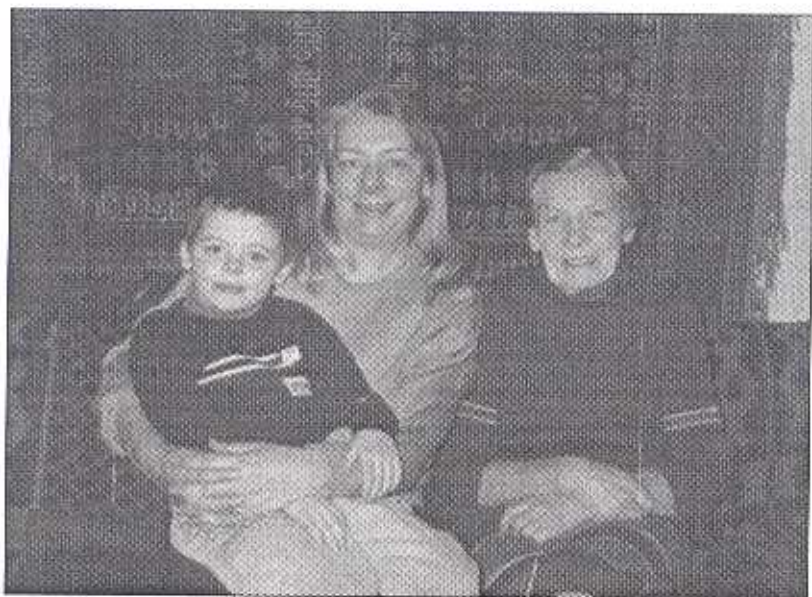

Рис. 5. Представители трех поколений немецкого рода Краубнер из Стрельнинской колонии: Краубнер Елизавета Филипповна, ее дочь Краубнер Н.П. (Уральская) и внук.

Фото сделано 3 года тому назад в квартире Елизаветы Филипповны в СПб. Сегодня ее уже нет в живых, она похоронена на кладбище в Средней колонии (за «красным домом»)

Рис. 6. Аман Софья Матвеевна. 1970-е гг.

В школьном музее «Летопись нашего края» Дома культуры поселения Горбушки есть скромная экспозиция, повествующая о страницах истории Стрельнинского немецкого поселения, более полувека тому назад соседствовавшего с русской деревней. Любопытных школьников заинтересовали странные названия улиц: Средняя, Верхняя и Нижняя колонии, необычные развалины старинного дома «Вифезда», мимо которых многие из них ездят в школу, и непонятные надписи на плитах старого кладбища.

Работая над сбором материала, они познакомились с особенностями немецкого характера: аккуратностью, порядочностью, трудолюбием и прониклись уважением к русским немцам, их трагической судьбе. Юные экскурсоводы вновь и вновь рассказывают своим слушателям об удивительных русских немцах, прошедших унижение и геноцид «малого народа», но не сломленных духом.

Примечания

¹ *А. фон Гернет*. Немецкая колония Стрельна. Юбилейный листок. СПб., 1910.

² *Верландер А.П.* Путеводитель по Балтийской железной дороге. СПб., 1883.

³ К 100-летию немецкой колонии в Стрельне // *Петербургский листок* 1910. № 279.

⁴ *Петрова (Аман) С.М.* Что на Стрелке реке. St. Petersburgische Zeitung (St' PZ). 1994, июль.

⁵ *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.

⁶ *Столянский П.П.* Петергофская перспектива. СПб., 1923.

⁷ *Шефер В.Ф., Штейнер И.П.* Стрельнинская немецкая колония. St. PZ. Fgltkm, 1993.

⁸ Архивные материалы музея «Истопись нашего края» поселения Горбунки.

⁹ Материалы личных архивов С.М. Аман, В.Ф. Шеффер.